

АЛЬБЕРТ РИС ВИЛЬЯМС

Ленин-человек и его дело

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ 1932 ГОДА

Весной 1918 года, готовясь к отъезду из России в Америку, я собрал огромный чемодан брошюр, плакатов, воззваний, листовок, номеров газеты «Правда», «Известия» и даже «Речи».

Беседуя в последний раз с Лениным в Кремле, я упомянул о своем чемодане с литературой.

— Прекрасная коллекция, — сказал Владимир Ильич, — но только неужели вы в самом деле думаете, что ваше правительство пропустит вас с этим материалом в Америку?

— Я в этом нисколько не сомневаюсь, — ответил я, все еще будучи наивно убежден, что Америка желает узнать правду о России и русской революции.

Ленин покачал головой и, рассмеявшись, сказал:

— Прекрасно. Может быть, я и ошибаюсь. Посмотрим.

Он взял перо и собственной рукой написал обращение ко всем начальникам станций, весовщикам и другим железнодорожным работникам, прося их уделить особое внимание моему чемодану. И чемодан благополучно прибыл со мной во Владивосток. Но в Америку он так и не попал. Он исчез. Каким образом — не знаю.

Это было во время блокады. Америка по-своему тоже переживала блокаду. Вывоз медикаментов и разных товаров в Россию был запрещен американским правительством, в то же время в Америку не разрешалось ввозить русские газеты и сведения о России.

А между тем американский народ хотел узнать правду о русской революции. Воображение масс было захвачено

необыкновенными, потрясающими событиями в России. Они особенно интересовались великим вождем русской революции Лениным.

Как известно, девизом американских газет всегда было и остается: «Преподноси публике то, что ей нравится». Если у редактора нет новостей, он должен фабриковать их сам. И поэтому место действительных фактов о Ленине заняли выдумки и небылицы. Каких только глупостей не печатали о нем в газетах! Чтобы придать всей этой несусветной чуши достоверность, всегда сообщали, что она получена от «собственного корреспондента» в Париже, Лондоне или Стокгольме.

Эти измышления были полны нелепостей и самых невероятных противоречий. Но в силу какой-то странной психологии, созданной войной, американская публика с жадностью поглощала такого рода «сведения» и требовала новых. Для нее во всем этом не было ничего нелепого или сверхъестественного.

И вот в ответ на эту ложь и клевету я написал «Десять месяцев с Лениным». Эту книжку мы снабдили тогда подробной биографией Владимира Ильича. Прошу читателей и критиков помнить, что она была написана для американцев и что условия, при которых она составлялась, были далеко не нормальные. Интервенция на все накладывала свою лапу. Писать в то время в Америке о России в доброжелательном духе было опасно. Трудно было тиснуть хотя бы строчку в каком-нибудь журнале или газете. Впрочем, иногда, как большая редкость, попадались либеральные редакторы. Один из таких редакторов рискнул напечатать мою статью о Ленине на страницах журнала «Азия» в августе 1919 года.

За напечатание этой довольно осторожной статьи редактор понес серьезное наказание. В редакцию со всех сторон посыпались протесты. Количество подписчиков сразу сократилось, клиенты журнала перестали помещать в нем объявления, а некоторые сотрудники отказались от дальнейшей работы в нем.

Очерк «Величайшая в мире приемная» написан мною зимой этого года.

ВСТУПЛЕНИЕ

Мир очень мало знает о человеке, который уже два года возглавляет правительство России. Лондонская «Таймс» вину за это перекладывает на самого Ленина.

И зря, конечно. Ленин тут ни при чем. В значительной степени здесь сказались блокада и действия английской цензуры. Они совершенно изолировали Россию от остального мира. Даже агентство Ассошиэйтед Пресс не смогло пробиться сквозь цензуру. Это агентство никогда нельзя было обвинить в симпатиях к революции, но тем не менее многие его умеренные телеграммы считали в Англии — а они поступали через нее — опасными для американского народа. Англичане относили к числу опасных любые факты, которые представляли в благоприятном свете советское правительство или его главу.

Вследствие этого вместо правдивых сведений о Ленине общественность получала измышления и выдумки «специальных корреспондентов» из Парижа, Лондона, Стокгольма и Копенгагена. В утренней телеграмме описывалось, как Ленин чудом спасся от преследования своих врагов, выпрыгнув в Сибири из бронепоезда, дневное сообщение утверждало, что Ленин находится за решеткой московской тюрьмы, куда закованным в цепи якобы бросил его Троцкий. Третья телеграмма, чтобы перещеголять даже это поразительное известие, описывала, как Ленин с беспечным видом, с портфелем под мышкой сошел с испанского парохода в Барселоне. Каждый из корреспондентов демонстрировал чудеса изобретательности, по все эти писаки, вместе взятые, оказывались несостоятельными из-за отсутствия у них согласованности, не говоря уже о том, что все их писания ни на йоту не соответствовали действительности. В их измышлениях имелось слишком много противоречий. Перенестись из Сибири в Москву, а затем в Испанию за каких-то несколько часов выходило в то время за пределы человеческих возможностей. Клеветники делали Ленина вездесущим.

Еще раньше они наделили его другим атрибутом «всевышнего» — всемогуществом, ибо говорили, что Ленин с помощью узкого круга своих сподвижников организовал Советы¹, затем через Советы влил яд в умы 15 миллионов солдат и разложил армию. Потом его небольшая группка свергла Временное правительство, привела 160-миллионный народ к Брестскому миру² и заставила подписать позорный договор. Такое под силу не человеку, а сверхчеловеку.

Оказывается, Ленин обладал к тому же и всеведением. Больше чем намек на это найдем мы в слезной мольбе одной из враждебных большевикам клик, просившей избавить ее от участия в конференции на Принцевых островах³: «Мы не можем встретиться с Лениным. Эти большевики слишком умны. Они отлично разбираются в политике и экономике и могут заговорить нас».

Наконец, Ленину приписывали еще и бессмертие. Десятки раз, сраженный пулей, Ленин падал, но все же продолжал жить. Если бы в будущем потомки захотели доказать, что Ленин чуть ли не божество, они нашли бы горы соответствующего материала в газетах последних двух лет.

Наше собственное правительство способствовало тому, чтобы туман неясности вокруг личности Ленина стал еще более густым, опубликовав те «классические» образцы чиновничьей глупости, которые известны как «Документы Сиссона»⁴. Это была безумная попытка доказать, что величайший в мире враг юнкерства, единственный человек, который ни разу не отступил в своей борьбе с империализмом, на деле якобы является главным помощником юнкерства и империализма, личным наемным агентом кайзера.

Были и еще более невообразимые выдумки, имевшие целью восстановить против Ленина все человечество.

Но так как некоторые правдивые сведения начали просачиваться сквозь завесу, созданную блокадой, даже самая легковверная публика стала понимать, что все эти рассказы слишком далеки от истины. Нужно отметить, что эта книга не завершена. Она не претендует на то, чтобы дать полное представление о Ленине как личности и о его деле. Это можно

сделать только в ходе дальнейшего развития истории, ибо вся последующая история будет связана с именем Ленина. Но те краткие сведения о Ленине — человеке и его деле, которые книга предоставляет в распоряжение читателя, не лишены, как надеется автор, интереса и значимости.

Ленин показан здесь в действии, за работой, в водовороте революционных событий. Книга передает впечатления иностранца, тесно соприкасавшегося с ним. На его стороне очевидное преимущество перед всеми другими, кто писал о Ленине. Почти все за рубежом, писавшие в то время о Ленине, никогда с ним не говорили, не слышали его выступлений, не видели его, не приближались к нему ближе чем на тысячу миль. Большую часть своих сообщений они основывали на слухах, догадках и голом вымысле.

Что касается меня, то я встречался с Лениным как социалист из Америки. Я ехал с ним в одном поезде, выступал с одной и той же трибуны и два месяца жил рядом с ним в гостинице «Националь» в Москве. В этой книге я пишу о целом ряде встреч, которые были у меня с Лениным в период революции.

ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ С ЛЕНИНЫМ

Молодые ленинцы

До того как познакомиться с Лениным лично, я узнал о нем из рассказов пяти молодых русских рабочих. Они составляли часть огромной волны эмигрантов, отхлынувшей обратно в Россию, и в частности в Петроград, летом 1917 года.

Нас, американцев, ехавших вместе с ними, они привлекали к себе своей энергией, умом и знанием английского языка. Вскоре они сообщили нам, что являются большевиками. «Да они вовсе не похожи на большевиков», — заметил один американец, и он долго стоял на своем, отказываясь верить им.

В газете, которую он изо дня в день читал, большевиков изображали длиннобородыми и ленивыми, тупыми и свире-

пыми разбойниками. А тут перед ним гладко выбритые, вежливые, любезные, с живым умом и не лишённые чувства юмора люди. Они не боялись взять на себя ответственность, не страшились смерти, и самое удивительное — в чем мы убедились уже в России — они не боялись никакой работы. Именно такими людьми и были большевики.

Восков ехал из Нью-Йорка, где был секретарем организации № 1008 профсоюза плотников. Янышеву, металлисту, сыну деревенского священника, пришлось поработать на шахтах и заводах разных стран мира, о чем напоминали оставшиеся на его теле рубцы. Нейбут, мастеровой, постоянно таскал с собой пачку книг и вечно носился с какой-нибудь очередной идеей, вычитанной из них. Володарский, который день и ночь работал как каторжный, сказал мне за несколько дней до своей трагической гибели: «Пусть меня даже убьют. Ну и что же! За последние шесть месяцев работы я испытал больше радости, чем любые пять человек испытают за всю свою жизнь». Петерс, десятник, которого позже газетные сообщения клеветнически изображали как кровожадного тирана, до тех пор подписывающего смертные приговоры, пока пальцы еще держат ручку, часто вздыхал по оставшемуся в Англии садику с розами и очень любил стихи Некрасова.

Эти люди со спокойной уверенностью убеждали нас, что по уму и достоинствам души Ленин стоит на голову выше любого большевика, любого другого человека в России, Европе и вообще во всем мире.

Для нас, ежедневно читавших в газетах, что Ленин — германский агент, и постоянно слышавших, как буржуазия объявляла его предателем и каким-то безумцем, было очень странно и непривычно слышать такие слова. Они представлялись нам фантазией фанатиков. Но эти люди не были ни глупцами, ни сентименталистами. Странствия по свету научили их многому. Не были они и поклонниками культа личности. Нарастающее большевистское движение было страстным, но в то же время научным, реалистическим и несовместимым с культом личности. И все же эта пятерка

большевиков в один голос утверждала, что есть поистине великий по своим душевным качествам и уму русский человек по имени Ленин, в то время вынужденный скрываться от преследований Временного правительства.

Чем ближе мы знакомились с этими молодыми энтузиастами, тем больше загорались желанием увидеть человека, которого они называли своим учителем. Не могут ли они отвести нас в его убежище?

— Обождите немного, — отвечали они, смеясь, — сами его увидите.

В нетерпении ждали мы все лето и начало осени 1917 года, наблюдая, как постепенно чахло правительство Керенского. 7 ноября большевики объявили о том, что этого правительства больше не существует, и одновременно провозгласили республику Советов с Лениным во главе правительства.

Первые впечатления о Ленине

В то время как ликующие толпы солдат и рабочих, упоенных победой пролетарской революции, наполняли огромный зал в Смольном, а пушки «Авроры» возвещали о гибели старого строя и рождении нового, Ленин спокойно поднимался на трибуну. Председатель объявил:

— Слово предоставляется товарищу Ленину.

Мы напрягли все наше внимание. Сейчас перед нашим взором предстанет человек, которого мы так давно жаждали видеть и слышать. Но с наших мест, отведенных для корреспондентов, вначале его не было видно.

Под громкие приветствия, выкрики, топот ног и аплодисменты он прошел через сцену и поднялся на трибуну, всего метрах в десяти от нас. Шум, крики и приветствия достигли кульминационного пункта.

Теперь мы видели его очень хорошо, и наши сердца упали. Внешность его оказалась почти противоположной той, какую создало наше воображение. Мы ожидали увидеть человека огромного роста, производящего впечатление одной своей внешностью. На самом же деле перед нами стоял человек

небольшого роста, коренастый, с лысиной и взъерошенной бородкой.

Выждав пока стихнут ураганные аплодисменты, он проговорил:

— Товарищи! В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства. — И стал без пафоса, по-деловому излагать существо вопроса. Ленин говорил без всякого стремления блеснуть красноречием, скорее, резковато и сухо. Засунув большие пальцы в вырезы жилета, он покачивался взад и вперед. В течение часа вслушивались мы в его речь, стремясь уловить в ней ту скрытую притягательную силу, которая объяснила бы нам его огромное влияние на этих свободных, молодых и сильных людей. Но тщетно.

Мы были разочарованы.

Дерзание и безудержный порыв большевиков зажгли наше воображение, того же мы ждали и от их вождя. Нам представлялось, что в лице лидера их партии мы увидим воплощение всех тех качеств, которые свойственны этой партии, что в нем заключена вся ее сила и мощь, что он, если хотите, сверхбольшевик. Но перед нами стоял усталый, ничем, казалось, особенно не выделяющийся человек, говорящий спокойно и просто, но с глубокой убежденностью и силой.

— Если его одеть немного получше, то можно было бы по внешности принять за среднего мэра или банкира из какого-нибудь небольшого французского городка, — прошептал Джулиус Вест, английский корреспондент.

— Да, совсем небольшой человек для такого большого дела, — проговорил его компаньон.

Мы представляли себе всю трудность задачи, решение которой взяли на себя большевики. Справятся ли они с ней? Их вождь поначалу не произвел на нас впечатления сильного человека.

Таково было первое впечатление. И все же, начав со столь ошибочной оценки, через шесть месяцев я был уже в лагере Воскова, Нейбута, Петерса, Володарского и Янышева, для которых первым в Европе человеком и политическим деятелем был Ленин.

Ленин вводит строгий революционный порядок в жизнь государства

9 ноября 1917 года я хотел получить разрешение сопровождать красногвардейцев, чьи колонны шли тогда по всем дорогам на бой с казаками и контрреволюционерами. Я предъявил Ленину свои документы, на которых стояли подписи Хилквита и Гюйсманса⁵. Я считал их очень внушительными документами. Ленин думал иначе. С лаконичным «нет» он вернул мне бумаги, словно я получил их в какой-нибудь филантропической буржуазной организации.

Инцидент пустячный, но он говорит о серьезном и строгом отношении к делу, которое зарождалось в пролетарских Советах. До того времени массы во вред себе были чрезмерно великодушны и доверчивы. Ленин принялся вводить революционный порядок. Он знал, что только решительными и крутыми мерами можно спасти революцию, которой угрожали голод, иностранная интервенция и реакция. Поэтому большевики проводили свои мероприятия без колебаний, а враги, изощряясь в эпитетах, осыпали большевиков бранью и клеветали на них. По отношению к буржуазии Ленин был суров и беспощаден.

Царивший в те недели хаос требовал от людей железной воли и железных нервов. Во всех государственных учреждениях наводили строгий революционный порядок и дисциплину. Было заметно, как росло чувство ответственности рабочих, как улучшали работу отдельные звенья советского аппарата. Предпринимая какие-нибудь действия, например приступая к национализации банков, советская власть действовала теперь энергично и эффективно. Ленин знал, в каких случаях нельзя медлить, но знал и то, когда поспешность недопустима. Однажды его посетила делегация рабочих в связи с возникшим у них вопросом: не может ли он декретировать национализацию их предприятия.

— Конечно, — сказал Ленин и взял со стола чистый бланк, — если бы все зависело от меня, то все решалось бы

очень просто. Достаточно было бы мне взять эти бланки и вот тут проставить название вашего предприятия, здесь подписаться, а в этом месте указать фамилию соответствующего комиссара.

Рабочие очень обрадовались и сказали:

— Ну, вот и хорошо.

— Но прежде чем подписать этот бланк, — продолжал Ленин, — я должен задать вам несколько вопросов. Прежде всего, знаете ли вы, где можно получить для вашего предприятия сырье?

Делегаты неохотно согласились, что не знают.

— Умеете ли вы вести бухгалтерию? — продолжал Ленин. — Разработали ли вы способы увеличения выпуска продукции?

Рабочие ответили отрицательно и признали, что они, считая это второстепенным делом, не придавали ему серьезного значения.

— Наконец, товарищи, позвольте узнать у вас, нашли ли вы рынок для сбыта своей продукции?

Опять они ответили «нет».

— Так вот, товарищи, — сказал Председатель Совнаркома, — не кажется ли вам, что вы не готовы еще взять сейчас завод в свои руки? Возвращайтесь домой и начинайте над всем этим работать. Это будет нелегко, вы будете иногда ошибаться, но приобретете знания и опыт. Через несколько месяцев приходите опять, и тогда мы сможем вернуться к вопросу о национализации вашего завода.

Железная дисциплина в личной жизни Ленина

Своей личной жизнью Ленин показывал пример той железной дисциплины, которую вводил в общественную жизнь. Щи и борщ, черный хлеб, чай и каша составляли меню тех, кто был тогда вместе со Смольным. Так же питался Ленин с женой и сестрой. Революционеры работали по двенадцать-пятнадцать часов в сутки. Рабочий день Ленина, как

правило, длился не менее восемнадцати-двадцати часов. Он собственноручно писал сотни писем. Погрузившись в работу, Ленин забывал даже о еде. Пользуясь случаем, когда он разговаривал с кем-либо, его жена подходила, бывало, к нему со стаканом чая и говорила: «Вот, товарищ, не забудьте выпить». Часто чай был без сахара, так как Ленин получал такой же паек, как и все. Солдаты и посыльные спали на железных койках в больших, с голыми стенами, похожих на казармы комнатах. Ленин и его жена спали на таких же койках. Когда уже не оставалось сил работать, они ложились отдохнуть на свои жесткие койки, часто даже не раздеваясь, чтобы можно было вскочить в любую минуту, Ленин переносил эти лишения не из аскетических побуждений. Он просто проводил в жизнь принцип равенства.

Один из этих принципов состоял в том, что в то время заработная плата любого советского служащего была приравнена к заработной плате среднего рабочего и установлена в 600 рублей в месяц.

Я жил в гостинице «Националь», когда Ленин поселился там в комнате на втором этаже. Новый, советский режим прежде всего отменил здесь изысканные и дорогие блюда. Большое количество блюд, составлявших обед, было сведено к двум. Можно было получить либо суп и мясо, либо суп и кашу. Это все, что мог иметь любой, будь он народным комиссаром или чернорабочим, иными словами, в полном соответствии с требованием: «Ни один не должен есть пирожных, пока все не получат хлеба». Но бывали дни, когда людям не хватало даже хлеба. И все же Ленин получал ровно столько, сколько получал каждый. Временами наступали дни, когда хлеба совсем не было. В эти дни не получал хлеба и он.

Когда после покушения на него Ленин был в тяжелом состоянии, врачи прописали ему питаться продуктами, которых нельзя было получить по карточкам, но можно было приобрести только на рынке у спекулянтов. Невзирая на все уговоры друзей, он отказывался притрагиваться ко всему, что не входило в законный паек.

Позже, когда Ленин начал выздоравливать, его жена и сестра нашли способ, как улучшить его питание. Зная, что он держит свой хлеб в ящике стола, они в его отсутствие проходили к нему в комнату и время от времени добавляли кусок хлеба к его запасам. Поглощенный работой, Ленин опускал руку в стол, доставал хлеб и съедал его, не подозревая, что это сверх обычного пайка.

В письме к рабочим Европы и Америки Ленин писал о тех бедствиях, тех муках голода, на которые обрекло рабочие массы военное вмешательство Антанты. Все это Ленин переносил вместе с массами.

Практические дела коммунистов сплачивают народ вокруг Советов

Буржуазная пресса, конечно, изображала Ленина совершенно другим. Но постепенно действительный облик Ленина все отчетливее выступал из окутывавшего его тумана лжи. По мере того как по России распространялась весть, что Ленин и его сподвижники делят с народом и горе и радость, массы все теснее сплачивались вокруг них.

Уральский шахтер, недовольный своим скудным пайком, знает, что все получают одинаковую долю из общих запасов продовольствия и одежды и одинаково обеспечены жильем. Так почему же он должен роптать, что получил лишь кусок черного хлеба? Во всяком случае этот кусок не меньше, чем у Ленина. Муки голода не усугублялись мучительным чувством обиды.

Крестьянка, дрожащая под леденящими порывами ветра, дующими с Волги, мало знает о человеке, который занимает теперь в ее представлении место царя. Но она слышит, что и его комната часто бывает не топлена. Теперь, хотя она и страдает от холода, но не страдает от неравенства.

Металлист в Нижнем, которому не хватает шестисот рублей его заработной платы на покрытие всех нужд семьи, начинает огорчаться. Потом вспоминает, что и другие получают не больше его, и это помогает ему примириться со своим положением.

Красноармеец, лежащий под обстрелом орудий интервентов, знает, что Ленин тоже на линии огня, хотя и находится в тылу, так как опасность в России угрожала каждому. Количество убитых и раненых в тылу превосходило в то время число погибших или раненых солдат на фронте. Урицкий, Володарский и многие другие были предательски убиты⁶, дважды был ранен Ленин. Поэтому Ленин для красноармейца — не далеко находящийся от поля боя человек, а товарищ по оружию, делящий с ним опасности и тяготы войны.

В докладе главы американской миссии в России Буллита говорится: «Ленин сегодня почитается почти пророком. Его портреты, сопровождаемые обычно портретами Маркса⁷, развешаны повсюду. Когда я пришел к Ленину в Кремль, мне пришлось обождать несколько минут, пока из его комнаты не вышла делегация крестьян. У них в деревне услышали, что товарищ Ленин голодает, и они приехали за сотни километров, привезя с собой восемьсот пудов хлеба в подарок Ленину от своей деревни. Незадолго перед ними у него побывала другая делегация крестьян, до которых дошел слух, что товарищ Ленин работает в не топленной комнате. Они приехали к нему и привезли с собой печку и на три месяца дров для нее. Ленин — единственный руководитель, которому делают такие подарки. Эти подарки он передает в общий фонд».

Равная доля в общем достоянии и в общих лишениях создала общую симпатию к главе государства со стороны бедняков и приносит советским руководителям все возрастающую поддержку народа.

Практические дела дают возможность Ленину чувствовать биение пульса народа

Живя столь близко к народу, коммунистические руководители хорошо знали его думы и чаяния.

Ленину не нужно было посылать комиссий для выяснения настроений и мнений народа. Человеку, который испытывает недостатки в питании, не приходится гадать, чем

заняты мысли голодающего. Он знает их. Недоедая вместе с народом, страдая вместе с ним от холода, Ленин чувствовал то же, что чувство вал народ, выражал его желания и думал думами народа.

Именно так стремится действовать Коммунистическая партия, непосредственно направляемая народными думами и выражающая народные чаяния.

Коммунисты говорят: «Мы не создавали Советов. Их породила народная жизнь. Мы не вынашивали никаких программ, чтобы потом навязать их народу. Скорее мы взяли нашу программу непосредственно у самого) народа. Он требовал: «Землю крестьянам!», «Заводы рабочим!», «Мир всему миру!». Мы написали эти лозунги на наших знаменах и с ними пришли к власти. Наша сила заключается в том, что мы одно целое с народом. Нам фактически не нужно делать усилий, чтобы понять народ, так как мы и есть сам народ». Это, несомненно, относилось ко всем рядовым руководителям, которые, подобно тем встреченным нами пяти молодым большевикам, были плотью от плоти и костью от кости народа.

Но интеллигенты, подобные Ленину, — как могут они выражать думы народа? Как могут понять чувства и мнение народа? Ответ может быть такой: они не постигли бы этого, если бы жили в стороне от всего, что волновало народные массы. Здесь и спорить нечего. Несомненно, что человек, живущий жизнью народа, становится ближе к нему, чем тот, который сторонится народа. Таким образом, Ленин обладал перед своими противниками огромным преимуществом: ему не нужно было гадать о чувствах и мыслях уральского шахтера, волжского крестьянина или красноармейца. Он знал, чем они живут, ибо их переживания были его собственными переживаниями. Поэтому, в то время как его противники блуждали в потемках, Ленин шел вперед с уверенностью человека, который хорошо знает дорогу.

Проведение в жизнь советскими руководителями коммунистических принципов является одним из мощных факторов, способствующих росту влияния советского пра-

вительства. За пределами России значение этого фактора не учитывалось совсем или же преуменьшалось. Однако Ленин не преуменьшал его. Он считал его фактором, важным для советской системы. В своей работе «Государство и революция» он говорит о практическом проведении в жизнь коммунистических начал как единственно правильном пути, по которому должен идти пролетарский государственный деятель. Это нелегкий путь. Немногие следовали по нему.

Ленин на трибуне

Несмотря на исключительную перегруженность почти круглосуточной напряженной работой, Ленин часто выступал с речами, в которых в живой и выразительной форме делал анализ сложившейся обстановки, ставил диагноз, предписывал лечение и убеждал слушателей применить его. Наблюдатели поражаются энтузиазму, который вызывают речи Ленина у малообразованных людей, хотя говорит он быстро и гладко и приводит множество фактов.

Ленин — мастер диалектики и полемики, чему способствует его удивительное самообладание во время дебатов. И дебаты — его конек. Ольгин⁸ говорил: «Ленин не отвечает оппоненту, а подвергает его вивисекции. Он подобен лезвию бритвы. Его ум работает с поразительной остротой. Он подмечает малейшие оплошности оппонента, отвергает неприемлемые послышки и показывает, насколько абсурдные заключения могут быть выведены из них. В то же время он говорит с иронией, высмеивает своего оппонента. Он его беспощадно разносит, заставляет вас чувствовать, что его жертва — невежда, глупец и самоуверенное ничтожество. Сила его логики увлекает вас. Вами овладевает интеллектуальная страстность».

Временами он оживляет свою мысль шутивным отступлением или язвительной репликой. Например, высмеивая Камкова⁹, без конца задававшего вопросы, Ленин использовал поговорку: «Один дурак может задать столько вопросов, что и десять умных не ответят».

Иногда Ленин простым примером иллюстрировал новый порядок. Он как-то привел рассказ старой крестьянки, которая говорила, что если раньше человек с ружьем не позволял ей собирать хворост в лесу, то теперь, наоборот, — он не опасен, и даже охраняет ее.

Ленин всегда стремился воздействовать в первую очередь на ум, а не на чувства. Тем не менее по реакции его слушателей можно было судить, какой силой эмоционального воздействия обладала ленинская логика.

Мне довелось выступать на митинге после Ленина. Что случилось в Михайловском манеже в январе 1918 года, когда па фронт отправлялся первый отряд защитников советской страны. Колеблющееся пламя факелов освещало огромное помещение, делам длинные ряды броневииков похожими на каких-то допотопных чудовищ. Вся большая арена и стоявшие на ней бронеавтомобили были усеяны темными фигурами новобранцев, плохо вооруженных, но сильных своим революционным пылом. Чтобы согреться, они плясали и притопывали ногами, а чтобы поддержать хорошее настроение — пели революционные песни и частушки.

Громкие крики возвестили о прибытии Ленина. Он поднялся на один из бронеавтомобилей и начал говорить. В полумраке слушавшие его люди вытягивали шеи и жадно ловили каждое слово. После окончания выступления раздались бурные аплодисменты.

Когда Ленин, закончив свою речь, спустился с броневика, Подвойский¹⁰ и объявил:

— Сейчас перед вами выступит американский товарищ. Толпа наострила уши. Я поднялся на автомобиль.

— Прекрасно, — сказал Ленин, — говорите по-английски, а я, с вашего разрешения, буду переводить.

— Нет, я буду говорить по-русски, — отважился я в каком-то безотчетном порыве.

Ленин следил за мной искрящимися глазами, словно предвкушая возможность позабавиться. Ждать ему пришлось недолго. Израсходовав весь имевшийся у меня запас готовых фраз, я запнулся и замолчал. С большим трудом я подыскал

еще несколько слов. Что бы ни делал иностранец с их языком, русские остаются благожелательными и снисходительными. Они умеют ценить если не умение, то, во всяком случае, старание начинающего. Поэтому моя речь прерывалась продолжительными аплодисментами, которые каждый раз позволяли мне перевести дух и найти несколько слов для следующего короткого броска. Мне хотелось сказать им, что, если наступит критический час, я сам с радостью вступлю в ряды создаваемой Красной Армии. Я остановился, мучительно подбирая нужное слово. Ленин поднял голову и спросил:

— Какого слова вам не хватает?

— Enlist, — ответил я.

— Вступить, — подсказал он.

После этого всякий раз, когда я запинаясь, Ленин тут же подсказывал мне нужное слово, я его тотчас подхватывал и с американским акцентом бросал в зал. Это, а также то, что я представлял собой живой и осязаемый символ интернационализма, о котором все они столько слышали, вызывало веселое оживление и гром аплодисментов. Ленин от всей души смеялся и аплодировал.

— Ну вот, как бы там ни было, начало в освоении русского языка сделано, — сказал он мне. — Но вы должны продолжать заниматься им серьезно. А вы, — сказал он, повернувшись к Бесси Битти¹¹, — вы тоже должны изучать русский язык. Дайте в газете объявление, что хотите обменяться уроками. И потом просто читайте, пишите и говорите только по-русски. С американцами не разговаривайте — все равно пользы от этого не будет, — добавил он, улыбаясь. — Когда мы встретимся в следующий раз, я вас проэкзаменую.

Жизнь Ленина постоянно подвержена опасности

Чуть не случилось так, что следующей встречи могло и не состояться. В момент, когда автомобиль с Лениным выезжал из манежа, прозвучали три резких выстрела и три пули пробили стенку автомобиля, одна из них ранила швей-

царского делегата Платтена¹², сидевшего рядом с Лениным. Преступник, притаившийся в соседнем переулке, пытался попасть в Ленина, но промахнулся.

Жизнь большевистских вождей постоянно подвергалась опасности. Основное внимание буржуазные заговорщики сосредоточивали, естественно, на Ленине. Они говорили, что в его деятельном мозгу зарождаются планы уничтожения их. О, если бы нашлась пуля, которая могла бы успокоить этот мозг! Об этом каждый день страстно молились контрреволюционеры.

В одном доме в Москве нас всегда принимали с расточительным гостеприимством. Огромный стол с дымящимся самоваром ломился под тяжестью фруктов, орехов, умопомрачительного множества закусок и «сластей», как называл их Артур Рэнсом¹³, питавший к ним особую слабость. Война обошлась с этим домом весьма благосклонно. Крупной биржевой игрой, контрабандным сбытом товаров в Германию, спекуляцией всех видов эта семья достигла верха благополучия. И вот, невесть откуда приходят вдруг большевики и выбивают у них из-под ног самую основу всего их благополучия. Большевики хотят прекратить войну. С ними невозможно сговориться. Это же дикари, сумасшедшие! Они хотят положить конец спекуляции, биржевой игре — словом, решительно всему! Единственное, что можно предпринять, — это покончить с ними. Повесить их! Расстрелять! И начать сверху, с Ленина.

— Я могу сию минуту уплатить миллион рублей тому, кто убьет Ленина, — серьезно сообщил мне молодой московский спекулянт, — и есть еще девятнадцать человек, с которыми я могу связаться хоть завтра, и каждый из них даст по миллиону на это дело.

Мы спросили у знакомой нам большевистской пятерки, представляет ли себе Ленин, какая опасность угрожает его жизни.

— Да, он хорошо знает об этом, — сказали они. — Но он меньше всего думает о себе. Видите ли, он вообще очень мало уделяет внимания своей особе.

И это, бесспорно, так.

С невозмутимым спокойствием шел он по пути, усеянному заговорами и засадами, и критические положения, напрягавшие нервы других людей до предела и сгонявшие краску с их лиц, он встречал хладнокровно и невозмутимо. Контрреволюционеры и иностранные империалисты, намеревавшиеся убить Ленина, терпели один провал за другим. Но в последний день августа 1918 года заговорщики чуть было не добились своего.

Председатель Совнаркома закончил выступление перед 15 тысячами рабочих завода Михельсона. Когда он направился к своему автомобилю, к нему бросилась какая-то девушка с бумагой в руке, как бы собираясь передать письмо Председателю Совнаркома. Он протянул руку за письмом, и в этот момент другая женщина, Каплан¹⁴, трижды выстрелила в него. Две пули попали в Ленина, и он упал на мостовую. Его перенесли в автомобиль и отвезли в Кремль. Несмотря на сильное кровотечение, он настоял на том, чтобы ему дали самому подняться по лестнице. Ранен он был гораздо серьезнее, чем предполагал. Целые недели жизнь его висела на волоске. Остававшиеся от борьбы с болезнью силы Ленин отдавал борьбе за то, чтобы страну не охватила лихорадка мести. Массы, возмущенные до глубины души тем, что темные силы реакции сразили того, кто олицетворял их надежду на свободу и лучшее будущее, обрушили на буржуазию и монархистов ответный удар, объявив красный террор.

Многим буржуа пришлось заплатить жизнью за убийства комиссаров и покушение на Ленина. Народный гнев был столь силен, что погибли бы еще сотни людей, если бы Ленин не просил сдерживать гнев. Можно с уверенностью сказать, что в продолжение всего периода необычайного возбуждения он оставался самым спокойным человеком в России.

Необычайное самообладание Ленина

Во всех случаях жизни он проявлял исключительное самообладание. События, в результате которых другие теряли голову, служили для Ленина лишь поводом продемонстрировать свое спокойствие и душевное равновесие.

Единственное заседание Учредительного Собрания проходило бурно. На нем в смертельной схватке сцепились две фракции. Боевые выкрики делегатов, стук пюпитров, громы и молнии, которыми, раздражались ораторы, страстное пение «Интернационала» и революционного марша, звучавших в устах двух тысяч человек, — все это наэлектризовывало атмосферу. С приближением ночи напряжение все нарастало. Мы сидели на балконе, вцепившись руками в барьер и стиснув зубы, наши нервы были напряжены. Ленин сидел в первом ряду первой ложи, и лицо его выражало полнейшее отсутствие интереса.

Наконец, он встал, прошел за трибуну и сел там на покрытые ковром ступеньки. Изредка он поднимал голову и окидывал взглядом огромное скопление народа. Затем подпер голову рукой и закрыл глаза, будто говоря себе: «Так много людей понапрасну растрчивает свои силы, пусть хоть один их побережет». Громкие голоса ораторов и шум собрания прокатывались над его головой, но он продолжал преспокойно сидеть. Раза два он приоткрывал глаза, прищурившись, осматривался вокруг и снова опускал голову.

Затем он поднялся, распрямился и неторопливой походкой направился в ложу. Воспользовавшись случаем, мы с Джоном Ридом¹⁵ сбежали с галерки в зал, чтобы спросить у Ленина, что он думает о ходе заседания Учредительного Собрания. Он что-то безразличным тоном ответил. А потом поинтересовался ходом работы в бюро пропаганды¹⁶. Лицо его просияло, когда мы сообщили, что материал печатается тоннами и его удастся переправлять через линию фронта в германскую армию. Вместе с тем мы сказали ему, что встречаем большие трудности в работе с немецким языком.

— Ах да, — воскликнул он и внезапно оживился, вспомнив о моих подвигах, когда я выступал с броневика. — Ну, как подвигается дело с изучением русского языка? В состоянии ли вы теперь понимать все эти речи?

— В русском языке так много слов, — ответил я уклончиво.

— В том-то и дело, — заметил Ленин, — им нужно заниматься систематически. С самого начала вы должны овладеть основами языка. Я расскажу вам о свое методе.

Вкратце метод Ленина сводился к следующему: сначала выучить все существительные, выучить все глаголы, выучить все причастия и прилагательные, выучить все остальные слова; выучить всю грамматику — орфографию и синтаксис, а затем непрерывно всюду и со всеми практиковаться. Как нетрудно заметить, метод Ленина был не столько оригинальным, сколько многосторонним. Словом, это был его метод борьбы с буржуазией применительно к овладению языком — браться за дело самым решительным образом. И разговор о нем увлек Ленина.

Он сидел, перегнувшись через барьер ложи, и говорил, подчеркивая слова выразительными жестами. Глаза у него блестели. Наши коллеги — репортеры сгорали от зависти. Они думали, что Ленин в этот момент разоблачает преступления оппозиции, или выдает нам тайные планы Советов, или, может быть, разжигает в нас революционный пыл. В подобный критический момент, несомненно, такую вспышку энергии у главы великого Русского государства могли вызвать только подобные темы. Но наши коллеги заблуждались. Глава советского правительства просто-напросто излагал свой взгляд на методiku изучения иностранного языка, с удовольствием воспользовавшись возможностью отвлечься за дружеской беседой.

Когда во время дебатов противники подвергали Ленина критике, он обычно сохранял спокойствие и даже умел подмечать смешные стороны в происходящем. Закончив речь на IV съезде Советов, он занял свое место в президиуме, чтобы выслушать нападки пятерых оппонентов. Всякий раз, когда он находил, что оппонент сделал удачный ход, Ленин широко улыбался и вместе со всеми аплодировал. Но если кто-нибудь начинал нести чушь, Ленин иронически усмехался и «аплодировал», постукивая ногтем одного большого пальца о другой.

Ленин в общении с людьми

Лишь один раз я видел Ленина усталым. После ночного заседания Совнаркома он вместе с женой и сестрой вошел в лифт в гостинице «Националь».

— Добрый вечер, — сказал он довольно устало. — Впрочем, нет, — поправился он, — доброе утро. Я говорил целый день и всю ночь и устал. Даже на второй этаж и то поднимаюсь на лифте.

Также всего один раз я видел его очень спешившим. Это было в феврале, когда Таврический дворец снова стал ареной жарких схваток — обсуждался вопрос о войне или мире с Германией. Ленин появился внезапно и быстрой, энергичной походкой, почти летя по воздуху, направился через вестибюль к двери, которая вела на трибуну. Профессор Кунц и я поджидали его и тут же обратились к нему со словами:

— Одну минуточку, товарищ Ленин.

Он остановил свое стремительное движение, встал почти по стойке «смирно» и, очень вежливо кивнув головой, сказал:

— Пожалуйста, товарищи, на этот раз отпустите меня. Я не имею ни секунды времени. Меня ждут в зале. Прошу вас, извините, как-нибудь в другой раз. — Поклонившись, он пожал нам руки и зашагал дальше.

Уилкоккс, противник большевиков, отмечая мягкость Ленина в общении с людьми, рассказывает, что один английский коммерсант, чтобы спасти свою семью от грозившей ей опасности, обратился за помощью лично к Ленину. Он был поражен, встретив в нем вместо «кровожадного тирана» обходительного, мягкого и отзывчивого человека, готового помочь ему всем, что в его силах.

И Ленин был действительно таким. Временами даже казалось, что он слишком любезен, подчеркнута вежлив. Возможно, тут имело значение то, что, говоря по-английски, Ленин употреблял изысканно вежливые выражения, почерпнутые им главным образом из книг. Но более вероятно, что это было его манерой обращаться с людьми, в чем Ленин, как и во многом другом, достиг высокой степени умения.

Попасть на прием к Ленину было не так-то просто, но если уж вы попадали к нему, то он всецело находился в вашем распоряжении. Все свое внимание он сосредоточивал только

на вас, что иногда могло даже поставить в затруднительное положение. Вежливо поздоровавшись, он подвигался как можно ближе, почти вплотную. Во время разговора он часто подавался вперед, не переставая смотреть вам в глаза, словно высматривая сокровеннейшие тайники ваших мыслей и стараясь проникнуть в самую душу собеседника.

Нам часто приходилось встречать одного социалиста, который в 1905 году принимал участие в московском восстании и даже отличился, сражаясь на баррикадах. Карьера и обеспеченная жизнь заставили его забыть о пылких увлечениях молодости. Теперь он выглядел преуспевающим джентльменом, работая корреспондентом какого-то английского газетного синдиката и плехановского «Единства».

Встречаться с буржуазными писаками Ленин считал расточительством времени, однако этот человек, используя свое революционное прошлое, сумел добиться свидания с Лениным. На встречу с Лениным он отправлялся в прекраснейшем настроении. Несколькими часами позже я увидел его в состоянии полного смятения. Он рассказал мне следующее: «Войдя в кабинет Ленина, я упомянул о своем участии в революции 1905 года. Ленин подошел ко мне и сказал:

— Это так, товарищ, но что вы делаете для *этой* революции? — Лицо его было в каких-нибудь 15 сантиметрах от моего, он смотрел мне прямо в глаза. Я заговорил о том, что когда-то сражался на баррикадах, и отступил шаг назад. Но Ленин сделал шаг вперед и, неотрывно смотря мне в глаза, повторил:

— Это так, товарищ, но что вы делаете для *этой* революции? — У меня было такое ощущение, словно меня просвечивали рентгеновскими лучами, словно он видел всю мою жизнь за последние десять лет. Я не выдержал и опустил глаза, как провинившийся ребенок. Я пытался заговорить. Но тщетно. Пришлось просто уйти».

Через несколько дней этот человек окончательно связал свою жизнь с революцией 1917 года, став советским работником.

Искренность и прямота Ленина

Один из секретов ленинской силы заключается в его потрясающей искренности. Он искренен со своими друзьями. Он, конечно, радуется всякий раз, когда на сторону революции становится новый боец, но не станет рисовать розовыми красками условия работы и будущие перспективы, чтобы привлечь на свою сторону хотя бы одного человека. Скорее он склонен изображать вещи в более мрачных тонах, чем они есть в действительности. Многие из ленинских выступлений содержали в себе примерно такие мысли: цель, за которую борются большевики, не так близка, как многим из вас представляется; мы вели Россию по тернистому пути, но курс, который мы взяли, может прибавить нам новых врагов, новые страдания; каким бы трудным ни было наше прошлое, будущее сулит нам еще немалые трудности — большие, чем вы себе представляете.

Не слишком соблазнительное обещание. Несколько необычный прием вовлечения в борьбу! И все же, подобно тому как итальянцы собирались под знамена Гарибальди¹⁷, который не обещал ничего, кроме ран, казематов и смерти, русские сплывались вокруг Ленина. Это кажется несколько разочаровывающим для тех, кто ожидает, что вождь должен прославлять свое дело и побуждать своего потенциального сторонника присоединиться к нему. Ленин считает, что такое побуждение должно исходить изнутри.

Ленин откровенен даже со злейшими врагами. Один англичанин, рассказывая об удивительной искренности Ленина, говорил, что Ленин высказал приблизительно следующую позицию: лично я ничего против вас не имею. Однако политически вы мой противник, и я должен использовать все средства, чтобы нанести вам поражение. Ваше правительство занимает такую же позицию в отношении меня. Ну что ж, давайте поищем возможности жить, не мешая друг другу.

Эта печать искренности лежит на всех его публичных выступлениях. Ленину чужды обычные атрибуты государствен-

ного деятеля-политикана: обман, словесная мишура и рисовка. Сразу чувствуется, что он не может обмануть, если бы даже и захотел. Он не может сделать этого по той причине, в силу которой не может обманывать самого себя: он обладает научным подходом и верит в неотразимую силу фактов.

Источники его информации очень обширны и дают ему огромное количество фактов. Эти факты он отбирает, оценивает и проверяет. А затем использует их, как стратег, как математик, как химик, имеющий дело с социальными элементами. Он подходит к фактам следующим образом: сейчас в нашу пользу говорят следующие факторы: один, два, три, четыре... — он коротко перечисляет их. А факторы, работающие против нас, вот какие. И точно таким же образом пересчитает и их: один, два, три, четыре... И тут же спросит: нет ли еще? — Мы ломаем голову в поисках еще каких-либо факторов, но, как правило, безуспешно. Тогда, тщательно взвесив все «за» и «против» каждой из сторон, Ленин продолжает свои вычисления, словно решает математическую задачу.

В своем преклонении перед фактами он представляет собой прямую противоположность Вильсону¹⁸. Вильсон как профессиональный оратор преподносит предмет своей речи в блестящем словесном оформлении, которое ослепляет и гипнотизирует массы, пряча от них неприглядную картину действительной жизни, исходя из классовых интересов. Ленин же действует, как хирург со скальпелем в руках. Он снимает словесную мишуру и показывает экономические мотивы, скрываемые за пышной фразеологией империалистов. Он обнажает существо их обращений к русскому народу, обнаруживая за их красивыми обещаниями грязную хищную руку эксплуататоров.

Безжалостный к фразеологии правых, Ленин в равной степени непримирим к фразерству левых, ищущих спасения от действительности в революционных лозунгах. Он считает своим долгом добавлять уксус и желчь в подслащенную воду революционно-демократического фразерства и зло высмеивать демагогов и болтунов.

Когда немцы вели наступление на красную столицу, со всех концов России в Смольной стекался поток телеграмм, выражавших изумление, ужас и негодование. Телеграммы заканчивались такими лозунгами: «Да здравствует непобедимый русский пролетариат!», «Смерть грабителям-империалистам!», «До последней капли крови будем защищать революционную столицу!».

Ленин прочитал их и распорядился разослать телеграммы всем Советам с просьбой посылать в Петроград не революционные фразы, а войска, одновременно он просил сообщать точное число записавшихся добровольцев и прислать подробный доклад о имеющемся в наличии оружии, боеприпасах и продовольствии.

Ленин за работой в критический момент

С наступлением немцев началось бегство иностранцев. Русские были несколько удивлены тем, что все, кто неистово требовал: «Бей гуннов!», теперь, когда гунны оказались настолько близко, что их можно было бить, спешили унести ноги. Неплохо было бы присоединиться к ним и тоже бежать, но ведь я дал слово тогда на броневике. Я принимаю решение вступить в Красную Армию и иду к Ленину.

— Приветствую, приветствую, — сказал мне Ленин. — Дела наши обстоят пока что неважно. Старая армия воевать не будет. А новая пока существует в основном на бумаге. Только что без сопротивления сдали Псков. Это преступление. Председателя Совета нужно расстрелять. Наши рабочие проявляют чудеса самопожертвования и героизма. Но у них нет никакой военной подготовки и дисциплины.

Таким образом, в двух десятках лаконичных фраз он обрисовал мне создавшееся положение и кончил словами:

— Я не вижу иного выхода, кроме мира. Однако Совет может высказаться за войну. Во всяком случае, поздравляю вас с вступлением в революционную армию. После той борьбы, которую вы выдержали с русским языком, вы хорошо подготовлены к боям с немцами.

Задумавшись на мгновение, он добавил:

— Один иностранец вряд ли много навоюет. А может быть, вы найдете еще кого-нибудь?

Я ответил, что можно попробовать сформировать отряд.

Ленин не любил откладывать дела в долгий ящик. Как только план разработан, он тотчас приступал к проведению его в жизнь. Ленин повернулся к телефону и позвонил Крыленко¹⁹, советскому главнокомандующему. Его не оказалось на месте, Ленин взял ручку и набросал ему записку.

К вечеру мы уже сформировали интернациональный отряд и выпустили воззвание с призывом ко всем иностранцам вступать в этот новый отряд. Но Ленин на этом не остановился. Он не из тех, кто довольствуется широким жестом, сделанным при начинании большого дела. Он неустанно следил за ходом дела и вникал во все детали. Два раза Ленин звонил в редакцию «Правды», давая указание опубликовать воззвание на русском и английском языках. Затем он распорядился разослать его по телеграфу во все концы страны. Таким образом, выступая против войны и особенно против тех, кто упивался революционными фразами по поводу нее, Ленин мобилизовывал все силы, чтобы война не могла застать республику Советов врасплох.

Он послал автомобиль с красногвардейцами в Петропавловскую крепость за заключенными там контрреволюционными генералами.

— Господа, — обратился к ним Ленин, когда они вошли в его кабинет, — я вызвал вас сюда в качестве экспертов. Петроград в опасности. Не сможете ли вы разработать военные меры по его обороне?

Генералы согласились.

— Вот здесь наши силы, — продолжал Ленин, показывая на карте расположение красных частей, складов и резервов. — А вот последние донесения о численности и расположении неприятельских сил. Если генералам потребуется еще что-нибудь, — мы предоставим все, что можем.

Генералы принялись за работу и к исходу дня представили свои соображения.

— А теперь не окажет ли Председатель Совнаркома любезность и не предоставит ли нам более комфортабельное помещение? — заискивающе обратились к Ленину генералы.

— Весьма сожалею, — ответил Ленин, — но придется отложить это до другого раза, сейчас не время. Ваше помещение, господа, может быть, не совсем удобно, но обладает одним достоинством — оно исключительно безопасно.

Генералов отвезли обратно в Петропавловскую крепость.

Политическая дальновзоркость Ленина

Не вызывает сомнения, что своей славой государственного деятеля, умеющего предвидеть дальнейший ход событий, Ленин обязан отнюдь не какой-то мистической интуиции или провидению, а способности отбирать и использовать факты. Он продемонстрировал эту свою способность в работе «Развитие капитализма в России». В ней Ленин бросил вызов экономической мысли своего времени, выступив с утверждением, что половина русского крестьянства была пролетаризирована, что, несмотря на владение некоторой земельной собственностью, эти крестьяне являлись, по существу, наемными рабочими с наделом. Смелая и дерзкая мысль Ленина нашла свое подтверждение в исследованиях последующих лет. Это не было одной лишь догадкой. К такому твердому выводу он пришел после тщательного изучения и отбора огромного статистического материала земств и других источников.

Однажды, когда разговор зашел о престиже Ленина, Петерс²⁰ заметил: «Часто на закрытых заседаниях нашей партии Ленин вносил определенные предложения, основанные на своем анализе положения дел. Мы голосовали против. Позже оказывалось, что Ленин был прав, а мы нет».

По вопросу о тактике одно время между Лениным и другими членами партии развернулась борьба, в процессе которой последующие события обычно подтверждали правильность его суждений.

Известно, что Каменев и Зиновьев²¹ считали, что вооруженное восстание, которое готовили большевики, может кончиться неудачей. Ленин говорил, что революция, пролетариат должны победить. Ленин был прав.

Некоторые руководители большевиков утверждали, что хотя они и в состоянии взять власть, но удержать ее не смогут. Ленин говорил, что с каждым днем силы большевиков будут расти. Он был прав. После двух лет борьбы с врагами, зажавшими в огненное кольцо Советскую Россию, Красная Армия успешно продвигается на всех фронтах.

Троцкий в переговорах с немцами следовал политике «затягивания», старался завлечь их в какую-то ловушку, но подписывать договор отказывался. Ленин говорил, что надо подписать мир на тех условиях, какие они предлагают, иначе придется его подписать на гораздо худших условиях.

И опять Ленин оказался прав. Русские были вынуждены подписать «похабный», «разбойничий» Брестский мир.

Весной 1918 года, когда весь мир смеялся над мыслью о возможности революции в Германии и когда кайзеровская армия громила союзнические войска во Франции, Ленин в разговоре со мной заметил, что падения власти кайзера нужно ждать в течение этого года. Так оно и получилось. Девять месяцев спустя кайзер Вильгельм бежал от своего собственного народа.

Когда я посетил Ленина перед отъездом, он написал по-английски и передал мне следующее письмо:

«Через американского товарища Альберта Р. Вильямса я шлю свой привет, американским социалистам-интернационалистам. Я твердо верю, что в конце концов социальная революция победит во всех цивилизованных странах. Когда она наступит в Америке, она далеко превзойдет русскую революцию».

Ленин написал это быстро, легко, остановившись лишь один раз. Он не мог подыскать подходящего слова для «в конце концов». Я ему подсказал, и он написал *ultimately*.

— Да, — сказал он, — революция победит. Может быть, скоро, а может быть, — он поднял глаза на меня и улыбнул-

ся, — ultimately. Может быть, потребуется и два десятка лет. Во всяком случае, мы уже начали. Мир определенно вступил в эпоху пролетарских революций.

Передав мне письмо, Ленин спросил:

— Когда вы собираетесь уезжать в Америку? (Это было в апреле 1918 года.)

— Я еще определенно не решил, — ответил я.

— Если вы думаете ехать через Владивосток, то лучше поспешите, а не то вас в Сибири встретит американская армия.

В ту пору было в высшей степени странно слышать в Москве такое заявление, ибо все мы верили, что Америка проникнута самыми дружескими чувствами по отношению к новой России.

— Этого не может быть! — возразил я. — Знаете ли вы, что, по мнению Раймонда Робинса²², есть надежды на признание Америкой советского правительства в самом ближайшем будущем?

— Да, — сказал Ленин, — но Робинс является представителем американской либеральной буржуазии. А она не определяет политику Америки. Политику Америки направляет финансовый капитал. А ему нужен контроль над Сибирью. И он пошлет американских солдат завоевывать ее.

Такая точка зрения представлялась мне невероятной. Однако позже, 29 июня 1918 года, я видел своими собственными глазами, как во Владивостоке высаживались американские матросы, в то время как монархисты, чехи, англичане, японцы и другие союзники спускали флаг Советской республики и поднимали флаг царской России.

Ленинские предсказания так часто сбывались, что его взгляд на будущее представлял всегда особый интерес. Вот суть известного интервью Нодо в том виде, в каком оно появилось в парижской газете «Тан» в апреле 1919 года.

«Будущее мира? — переспросил Ленин. — Я не пророк, по одно можно сказать с уверенностью: капиталистическое государство, примером которого является Англия, отмирает. Старый строй обречен. Экономические условия, порожденные войной, ведут к новому строю. Развитие человечества неотвратимо идет к социализму.

Кто бы мог поверить несколько лет назад, что в Америке возможна национализация железных дорог? Мы видим также, что правительство скупает весь хлеб, чтобы лучше использовать его в интересах государства. Все, что говорится против государства, нисколько не помешало этой эволюции. Правда, необходимо придумать и разработать новые средства контроля, чтобы устранить несовершенства. Но всякие попытки помешать государству быть высшей властью напрасны. Ибо неизбежное грядет и грядет в силу собственной инерции. Англичане говорят: «Чтобы узнать, каков пудинг, надо его попробовать». Говорите что хотите о социалистическом пудинге, но только все народы пробуют и будут все больше пробовать это блюдо.

Подведем итог. Опыт показывает, что каждый народ идет к социализму своим собственным, особым путем. Будет множество переходных форм и разновидностей, но все они будут различными фазами революции, которая ведет к одной и той же цели. В случае установления социалистического строя во Франции или Германии, ему будет несравненно легче утвердиться, чем у нас в России. Ибо на Западе социализм найдет формы организации, всевозможные интеллектуальные средства и материалы, которых нет в России».

Отношение Ленина к специалистам

Несомненно, что всеми своими действиями и декретами Ленин и советское правительство показывают, как высоко они ценят специалистов. Во всех областях Ленин опирается на экспертов. Даже от царских генералов он намерен получать консультации как от экспертов по военным вопросам. Если Маркс, немец, является авторитетом для Ленина в вопросах революционной тактики, то Тэйлор, американец, интересовал его в связи с таким вопросом, как повышение производительности труда²³. И он постоянно подчеркивал значение, которое имеет опытный бухгалтер, крупный инженер, специалист в любой сфере деятельности. Он верил,

что Советы станут магнитом, притягивающим специалистов всех стран. Он верил, что они будут видеть в советской системе больше возможностей для применения своих творческих способностей, чем в любой другой системе.

Россия при советской власти предоставляет инженеру и администратору для осуществления его замыслов не только свои обширные богатства, но и полную энтузиазма, жизнедеятельную рабочую силу, с помощью которой можно эти богатства осваивать.

Последнее условие немислимо при капиталистической системе, когда основной интерес рабочего связан не с тем, что он делает, а с тем, сколько он заработает, и когда рабочая сила и руководство предприятием постоянно находятся в конфликте. При советском строе энергия людей расходуется не на споры о распределении продукта труда, а используется для выполнения задачи по увеличению производства. Ленин верил, что советская система даст огромные результаты, так как она пробуждает в массах энтузиазм и новые творческие силы и в то же время предоставляет полную свободу действий ученым и специалистам.

Исследуя социальные силы, Ленин дал оценку всем общественным слоям населения. Интеллигенция играла определенную роль до революции и будет играть ее и после. Интеллигенция своей агитационной работой способствовала подъему революционного движения и свершению революции. В качестве экспертов интеллигенты могут способствовать ее упрочению.

Отношение Ленина к американцам, капиталистам и концессиям

К американским техникам, инженерам и другим специалистам Ленин относился с уважением. Он хотел иметь таких специалистов хоть пять тысяч, иметь их немедленно и согласен был платить им высокую заработную плату. Он нередко подвергался нападкам за проявление особой симпатии к Америке.

На самом же деле Ленин считал американский капитализм не меньшим злом, чем капитализм любой другой страны. Но Америка далеко. Она, казалось, не представляла непосредственной угрозы существованию Советской России. К тому же она предложила товары и специалистов, в которых нуждалась Советская Россия.

Почему же в таком случае в обоюдных интересах наших двух стран не заключить специального соглашения? — спрашивал Ленин.

Но может ли коммунистическое государство иметь деловые отношения с капиталистическим государством? Могут ли эти две формы государства существовать бок о бок? Эти вопросы были поставлены Ленину французским журналистом Нодб.

— А почему бы и нет? — ответил Ленин. — Мы нуждаемся в техниках, ученых и различных промышленных изделиях, и ясно, что сами пока не в состоянии разрабатывать необъятные ресурсы нашей страны. При таких обстоятельствах, хотя для нас это, может быть, и неприятно, мы должны признать, что наши принципы, проводимые в России, должны вне ее границ уступить место политическим соглашениям. Мы совершенно искренне предлагаем платить проценты за иностранные займы и за неимением валюты будем выплачивать зерном, нефтью и всевозможным сырьем, которым богаты.

Мы решили предоставить концессии на лесные и горные разработки гражданам стран Антанты при том условии, что законы Советской России будут уважаться. Далее, мы даже согласимся, конечно, не с легким сердцем, а в силу необходимости, на уступку под концессии некоторой территории старой Российской империи определенным странам Антанты. Нам известно, что английские, японские и американские капиталисты проявляют очень большое желание получить такие концессии.

Мы заявили о готовности передать какой-нибудь международной ассоциации строительство Великого северного пути.

Слышали ли вы об этом? Этот путь должен протянуться на 3 тысячи верст, начиная от Онежского озера, мимо

Котласа, через Уральские горы к реке Оби. Огромные девственные леса на площади в 8 миллионов гектаров и разнообразные неразработанные полезные ископаемые — все это может быть использовано строительной компанией.

Мы сдаем эту государственную собственность на определенный срок, возможно, на 80 лет, с правом выкупа. Мы не предъявляем ассоциации каких-либо крайних требований, а требуем лишь соблюдения законов, принятых советской властью, например о восьмичасовом рабочем дне и контроле рабочих организаций. Правда, все, о чем мы здесь говорим, далеко от коммунизма и отнюдь не соответствует нашим идеалам, кроме того, мы должны сказать, что этот вопрос породил очень оживленную полемику в нашей прессе. Но мы решили принять то, что диктуется необходимостью переходного периода.

— В таком случае вы, значит, верите, — спросил Нодó, — что, невзирая на опасность, которой подвергаются здесь иностранные капиталисты, — опасность, которая, по всей видимости, не устранена и которая, как боятся некоторые, может усугубиться в любую минуту, — невзирая на это, вы верите, что у финансистов хватит мужества, чтобы вложить в русскую экономику новые средства и позволить России еще раз проглотить их капиталы? Они не возьмутся за такое дело, не имея поддержки вооруженных сил своей страны. Согласитесь ли вы на такую оккупацию?

— Это будет совершенно излишним, — ответил Ленин, — потому что советское правительство будет строго соблюдать все обязательства, которые возьмет на себя.

Глубокая вера Ленина в пролетариат

Для Ленина, конечно, движущей силой революции, ее душой и телом являлся пролетариат. В народных массах он видел единственную надежду построения нового общества. Эту точку зрения разделяли немногие. Некоторые считали, что русские в основной своей массе беспечны, ленивы и неграмотны, лишены каких бы то ни было идей,

что у них на уме одна только водка, что они неспособны упорно трудиться.

Ленин выступает против такой оценки «темного» народа. На протяжении многих лет Ленин подчеркивал высокие качества народа: его решимость, стойкость, готовность к самопожертвованию и терпение, способность понимать великие политические цели, он говорил о скрытых в нем гигантских творческих созидательных силах. Это была беспредельная вера в народные массы. Насколько же события оправдали смелую веру Ленина в русский рабочий класс!

Способность рабочих осмысливать великие политические идеи поражает всех, кто посетил Россию и знает ее жизнь не только со стороны. Эта способность заставила одного из членов миссии Рута²⁴ с удивлением воскликнуть: «Как могло случиться, что огромная масса русского народа, считавшаяся всем истинно просвещенным человечеством невежественной и тупой, овладела передовой социальной философией, совершенно новой для остального мира?» Сотни молодых людей, которых посылали работать в Россию Христианская ассоциация молодых людей и другие организации, вызывали недоумение у русских рабочих. Эти «просветители» хоть и окончили американские университеты, но все же не видели разницы между социализмом, синдикализмом и анархизмом, что является азбучной истиной для миллионов русских рабочих.

Американская пропаганда через своих агентов в сотнях тысяч экземпляров распространяла в России речь президента Вильсона с его знаменитыми четырнадцатью пунктами.

Раздавая листовки с речью рабочим и крестьянам, эти агенты обычно спрашивали: «Каково ваше мнение?»

Им, как правило, отвечали: «Звучит красиво, но все это пустой звук. Быть может, президент Вильсон и в самом деле сторонник подобных идей, да ни одна из них не попадет в мирный договор, если только рабочие не возьмут власть».

Видный американский профессор, которому довелось услышать такое высказывание из уст русских людей, рассмеялся над их скептицизмом. А сегодня он смеется над соб-

ственной наивностью и поражается тому, как эти необразованные люди в небольших Советах глухих уголков отсталой России смогли лучше его разобраться в международной политике.

Англичане думали, что достаточно будет удовлетворить непосредственные нужды народа. Они явились в Архангельск с джемом, виски и белой мукой, чтобы подкупить ими русский народ. Изголодавшиеся люди, конечно, с радостью приняли дары, но когда они увидели, что это своего рода подачка, рассчитанная на то, чтобы ослепить их, что за это придется заплатить свободой и независимостью России, они поднялись против захватчиков и изгнали их со своей земли.

Время оправдало и ленинскую веру в решимость и стойкость русских народных масс. Сравните разные мрачные «пророчества» 1917 года с фактами последующих дней. «Через три дня их власти придет конец», — каркали тогда враги советской власти. Прошли три дня, потом еще три... И тогда стали кричать: «Три недели — больше Советам не продержаться». И снова пришлось отодвигать сроки. На этот раз на три месяца. Теперь же, когда прошло восемь раз по три месяца, самое лучшее, что враги советской власти могут придумать в утешение своим покровителям, — это кричать уже о трех годах.

Достижения рабочих и крестьян превзошли ожидания Ленина

Сила и устойчивость советского правительства основываются отнюдь не на поспраии законов и не на странных причудах непостижимого провидения, как это утверждают некоторые. Силу и устойчивость советского правительства обеспечивают именно те факторы, на которые в свое время указывал Ленин, — большие успехи рабочих и крестьян.

В экономической области они разработали новые способы производства полотна, спичек и использования огромных торфяных залежей России. Они провели большие инже-

нерные работы для развертывания строительства, начиная с силовых установок и электростанций и кончая каналом между Балтийским морем и Волгой и сотнями километров железных дорог.

В военной области рабочие и крестьяне ввели суровую военную дисциплину, которая превратила Красную Армию в одну из самых сильных боевых организаций в мире. Ее моральное состояние — прекрасное, а боевой дух — высокий. До последнего времени рабочие и крестьяне вынуждены были участвовать в войнах во имя интересов господствующей касты. Теперь впервые они воюют — и воюют сознательно — за свои собственные интересы и за интересы всего трудового и эксплуатируемого народа мира.

Однако самых значительных успехов эти необразованные люди достигли в области культуры. Дайте человеку свободу, и он начинает творить. Под благотворным влиянием духа новой революционной деятельности появились десятки новых университетов, сотни театров, тысячи библиотек, а общеобразовательные школы возникали десятками тысяч.

Именно эта действительность сделала Максима Горького²⁵ горячим приверженцем Советов. «Культурное творчество русского рабочего правительства, совершаясь в условиях самых тяжких и требуя героического напряжения энергии, постепенно принимает размеры и формы, небывалые в истории человечества...

Недавний оппонент правительства, — писал далее Горький, — я знаю, что историки будущего, подводя итог годовой работе, совершенной силами и властью русского рабочего, — не могут не изумляться широте его творчества в области культуры».

Еще более великолепными и значительными представляются эти достижения, если принять во внимание те трудности, в условиях которых работал народ. До революции народ был забитым, в течение веков жил в нищете и подвергался угнетению. Мировая война унесла два миллиона крепких, здоровых мужчин, изранила и покалечила еще три миллиона, сотни тысяч детей остались сиротами, а сотни тысяч

людей стали слепыми, глухими или немыми. Железные дороги были разрушены, шахты затоплены, запасы продовольствия и топлива почти исчерпаны. Экономика, расшатанная войной, а затем еще более подорванная революцией, внезапно была поставлена перед проблемой демобилизации 10 миллионов солдат. В стране удалось собрать богатый урожай, но чехословаки, поддержанные японцами, французами, англичанами и американцами, отрезали Советскую Россию от сибирского хлеба, а другие контрреволюционные силы — от хлеботородных полей Украины. Контрреволюционеры говорили: «Теперь костлявая рука голода возьмет народ за горло и образумит его». За то, что Советы отделили церковь от государства, их отлучили от церкви. Им приходилось работать в условиях саботажа старых чиновников и дезертирства значительной части интеллигенции, в условиях блокады. К каким только угрозам, подкупам и убийствам не прибегала Антанта, чтобы свергнуть большевистское правительство. Английские агенты взрывали мосты, чтобы помешать доставке продовольствия в большие города, а французские агенты, находясь под защитой консульств своей страны, наносили вред транспорту, сыпали песок в подшипники паровозов.

Перед лицом этих фактов Ленин говорил, что враги молодой Советской республики сильны, но против них у нее имеются железные батальоны пролетариата, что огромные массы народа еще не совсем прониклись сознанием и пока не очень активны. Они устали от войны и истомлены голодом. Революция в настоящее время разворачивается еще недостаточно быстро, но скоро должен произойти большой психологический перелом. Если он произойдет вовремя, Советская республика будет спасена.

По мнению Ленина, Октябрьский переворот, в результате которого массы захватили власть, не есть еще полная революция. Но, когда массы осознают свою миссию, установят дисциплину и приступят к организованному труду, проявляя свои колоссальные творческие и созидательные силы, — это и будет подлинной революцией.

Начиная свою речь на III Всероссийском съезде Советов в Петрограде, он сказал, что 2 месяца и 15 дней — это всего на пять дней больше того срока, в течение которого существовала предыдущая власть рабочих над целой страной или над эксплуататорами и капиталистами, — власть парижских рабочих в эпоху Парижской коммуны 1871 года.

Уже десять раз по семьдесят дней продержалась Русская коммуна перед напором сонма врагов. Велика была вера Ленина в стойкость, упорство, решимость, героизм и экономические, военные и культурные потенциальные силы русских рабочих и крестьян. Их достижения — не просто подтверждение ленинской страстной веры. Эти достижения изумляли даже самого Ленина.

Роль Ленина в русской революции

По мере того как Ленин в России вырастает в центральную фигуру мирового масштаба, вокруг его имени ведутся ожесточенные споры.

Для охваченной страхом буржуазии Ленин — гром среди ясного неба, наваждение какое-то, мировая чума.

Для мистически настроенных умов Ленин — великий «монголо-славянин», упоминавшийся в том довольно странном пророчестве, которое появилось еще до войны. «Я вижу, — гласило это пророчество, — всю Европу истекающей кровью и озаренной пожарами. Я слышу стенания миллионов людей в гигантских битвах. Но около 1915 года на севере появится доселе неизвестная личность, которая станет впоследствии всемирно известной. Это — человек без военного образования, писатель или журналист, но до 1925 года в его руках будет находиться большая часть Европы».

Для реакционной церкви Ленин — антихрист. Попы пытаются собрать крестьян под свои священные хоругви и иконы и повести их против Красной Армии. Но крестьяне говорят: «Может, Ленин и в самом деле антихрист, но он дает нам землю и волю. С какой стати нам воевать против него?».

Для рядовых русских граждан имя Ленина имеет почти сверхчеловеческое значение. Он творец русской революции, основатель советской власти, с его именем связано все, что представляет собой сегодня Россия.

Рассуждать подобным образом — значит смотреть на историю как на результат деятельности великих людей, словно великие события и великие эпохи определяются великими вождями. Правда, в одной-единственной личности может отобразиться целая эпоха и огромное массовое движение.

Несомненно, всякое толкование истории, которое связывает русскую революцию только с одной личностью или с группой личностей, ошибочно. Ленин первым рассмеялся бы над мыслью, что судьбы русской революции находятся в его руках или в руках его сподвижников.

Судьба русской революции — в руках тех, кто ее совершил, в руках и сердцах народных масс. Она — в тех экономических силах, под напором которых пришли в движение народные массы. Веками трудовой народ России терпел и страдал. На всех беспредельных просторах России, на московских равнинах, в степях Украины, по берегам великих сибирских рек, подстегиваемые нуждой, скованные суеверием, трудились люди от зари до зари, и уровень их жизни был крайне низким. Но всему приходит конец — даже терпению бедных.

В феврале 1917 года с грохотом, от которого содрогнулся весь мир, рабочий класс России сбросил с себя сковывавшие его цепи. Солдаты последовали его примеру и восстали. Потом революция захватила деревню, проникая все глубже и глубже, зажигая революционным огнем самые отсталые слои народа, пока вся нация в 160 миллионов человек — в семь раз больше, чем во времена французской революции, — не оказалась вовлеченной в ее водоворот.

Охваченная великой идеей, целая нация берется за дело и приступает к созданию нового строя. Это величайшее в веках общественное движение. Имея в основе своей экономические интересы народа, оно представляет собой самое решительное в истории выступление во имя справедливости.

Великая нация выступает в поход и, верная идее нового мира, шагает вперед, невзирая на голод, войну, блокаду и смерть. Она устремилась вперед, отбрасывая в сторону тех, кто изменяет ей, и следуя за теми, кто удовлетворяет народные нужды и чаяния.

В массах, в самих русских массах заключается судьба русской революции — в их дисциплинированности и преданности общему делу. И нужно сказать, что им улыбнулось счастье. Мудрым кормчим и выразителем их дум был человек с исполинским умом и железной волей, человек с обширными познаниями и решительный в действиях, человек с высочайшими идеалами и самым трезвым, самым практическим рассудком. Этим человеком был Ленин.

